

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09"19"

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
y-v-lebedev@ya.ru

ХРИСТИАНСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье рассматривается органическая связь поэзии Некрасова со святоотеческой традицией и устным народным творчеством. В стихотворении «Влас» поэт использует почитаемые народом жизнеописания святых и точен в передаче православных представлений о мытарствах души в первые дни после её разлучения с телом. В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов воспроизводит широко распространённое в народе лечение больного водой из девяти колодезев («с девяти веретён») и приносимой в дом чудотворной иконой. В поэмах декабристского цикла поэт воскрешает высокий идеал святости мирянина в той мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и вошла в народное сознание.

Ключевые слова: жизнеописания святых, народные легенды, обряды, обычаи.

1

Ф.М. Достоевский, возводя образ некрасовского Власа в общенародный и общенациональный символ, в «Дневнике писателя» утверждал: «Некрасов, создавая своего великого “Власа”, как великий художник, не мог и вообразить его себе иначе, как в веригах, в покаянном скитальчестве. Черта эта в жизни народа нашего – историческая, на которую невозможно не обратить внимания, даже и потому только, что её нет более ни в одном европейском народе» [4, т. 25, с. 250].

Вместе с тем в описании хождений души Власа по мытарствам Достоевский уловил авторскую присочинённость, «невообразимые ужасы»: «О поэт! (к несчастью, истинный поэт наш) если бы вы не подходили к народу с вашими восторгамми, про которые

Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать, –

то не оскорбили бы и нас выводом, что вот из-за каких-то в конце концов бабьих пустяков

Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной» [4, т. 21, с. 32].

Вот как описывает Некрасов хождение души Власа по мытарствам:

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;
Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы – видом чёрные
И как углие глаза,
Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.
Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад.
И кружит над ними с хохотом
Чёрный тигр-шестокрылат.
Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочёл... [10, т. 1, с. 153]

Заметим, что никакой насмешки, «шутовства» и «присочинённости» в этом описании пережитых Власом ужасов, вопреки мнению Достоевского, у Некрасова нет. Поэт знает любимые и почитаемые народом жизнеописания святых и точен в воспроизведении православных представлений о мытарствах души в первые дни после её разлучения с телом. Он знает, как «страдалец нищий Лазарь отнесён был по кончине своей Ангелами в отделение рая» и как «умерший немилосердно богач, веселившийся во время земной жизни на вся дни светло, был низвергнут в ад». Некрасов использует в стихотворении житие преподобной Феодоры, которая, посетив райские обители, «низведена была в преисподняя земли» и видела страшные, нестерпимые муки, уготованные грешникам в аду: «Когда я приближалась к концу моей жизни, и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступивших одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их – как калёные угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судию, долженствующего придти. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом» [1, с. 103–104].

Таким образом, в передаче переживаний верующим Власом страха Божия во время хождения его души по мытарствам Некрасов точно следует не только за духом, но и за буквой святоотеческого предания.

2

В исследованиях, посвящённых текстуальному анализу поэмы «Мороз, Красный нос», обращается внимание на некоторые ошибки или сознательные отступления Некрасова от буквалистски-точного изображения народного быта, обычаев, ритуалов.

Однако в ряде случаев исследователи находят загадочные места там, где их нет. Известно, что крестьянский обряд, при всей его консервативности, никогда не превращался в незыблемую догму: живая жизнь постоянно вносила в него свои коррективы в зависимости от конкретной жизненной ситуации, исключавшей возможность строгого соблюдения того или иного ритуала, от многочисленных местных (волостных, уездных, губернских или краевых) различий в нём. Говоря о «неточности» Некрасовских описаний, нужно учитывать не только классический, всероссийский вариант обряда, очищенный от местных наслоений, но прежде всего этнографические исследования жизни и быта крестьянства хорошо знакомых поэту губерний – Ярославской, Новгородской, Владимирской и Костромской.

Белый холщовый платок как траурный символ Некрасов мог заимствовать из очерков В. Селиванова, печатавшихся в журнале «Русская беседа». Знакомство с этнографическими материалами в местной печати убеждает, что аналогичный наряд носили русские крестьянки из старообрядцев в Кинешемском, Костромском, Судиславском и Буйском уездах Костромской губернии. Заметим: в уездах, где Некрасов часто охотился с Гаврилой Яковлевичем Захаровым. Известно, что семья Захаровых, как, впрочем, и всё крестьянство деревни Шода и окрестностей, было почти целиком старообрядческим. По наблюдению одного из корреспондентов Костромских епархиальных ведомостей, костюм старообрядцев «состоит главным образом из двух цветов: белого или чёрного. Рубашки и зимние шубы всегда белые. Женщины носят тёмные сарафаны, а на головах тёмные или белые платки. *На похоронах они всегда повязывают голову белым полотенцем*» [6, с. 595]. Отголоски этого древнего цветового символа скорби и печали сказываются и в ритуале обряжения. В Костромской губернии умерших крестьянок одевали в лучший наряд, на голову надевали платок, «на старых тёмный, на молодых белый» [13, с. 30].

Отмечая условность некоторых сюжетных поворотов поэмы, В. А. Сапогов пишет: «...Чтобы спасти Прокла, Дарья бежит в отдалённый монастырь за “явленной” чудотворной иконой и возвращается с ней. Кто бы ей дал такую икону! Этого ни в коем случае не могло произойти» [11, с. 25]. Действительно, для современного читателя этот факт представляется неправдоподобным. Но заметим, что Дарья возвращается с чудотворной иконой не одна:

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, её провожая,
Все приложились к ней. [10, т. IV, с. 102]

Ясно, что икона «двинулась с миром», в сопровождении служителей монастыря. В руки эту икону Дарье, конечно, никто не давал и никаких двусмысленностей на этот счёт Некрасов не допускает.

Другое дело – вопрос: могло ли монастырское начальство уступить просьбам Дарьи, случались ли подобные факты в действительности?

Обратимся к истории одного из самых чтимых в Костромской губернии Макарьево-Унженского монастыря. В «Летописи» этого монастыря, опубликованной в «Костромских епархиальных ведомостях за 1892 год», сообщается: «Иконы из Макарьево-Унженского монастыря приносимы были в окрестные места и селения по просьбам усердствующих жителей сих селений и согласно установленным в прежние времена обычаям» [10, с. 320]. Но, может быть, такой обычай не распространялся на святые известные, признанные всем народом за чудотворные? Читаем далее: «Икононошение чудотворных икон Божьей Матери Одигитрии и преподобного Макария ради чудес, оказанных ими издревле, началось с незапамятных времен по Макарьевскому и окрестным уездам и с годами расширенное по вере и любви православных к чудотворным иконам продолжается до сего времени». Чудотворные иконы отпускались окрестным жителям «для пения и молебнов в ближайшия селения с благонадежными лицами из братии» [7, с. 321].

Монастыри, нередко за солидное вознаграждение, отпускали иконы и в соседние уезды на почитание местного духовенства. В «Летописи Макарьево-Унженского монастыря» сообщается, что «Макарьевская святыня» вывозилась в Кологрив, «была встречена Кологривским духовенством при церкви», в «соборном храме», «куда являлись прихожане, поднимали иконы и на своих руках при сопровождении священника носили их в свои дома для служения молебнов» [7, с. 342].

Обратимся ещё к одной загадке, связанной с воспроизведением в поэме некоторых приёмов знахарства и народной медицины в эпизоде болезни Прокла. Исследователи уточнили почти все источники, которыми пользовался Некрасов в этом описании, оставались без комментария лишь следующие строки:

Старуха его окатила
Водой с девяти веретён
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он! [10, т. IV, с. 89].

Ни в одном из известных нам источников такой обряд лечения не зафиксирован. А между тем вопрос этот решается очень просто, и разгадка его буквально лежит на поверхности. Нам мешает понять Некрасова недостаточно глубокое знание народного быта. О каких веретёнах идет здесь речь? В голову обычно приходит то самое «простое, ручное деревянное орудие для пряжи, для ручного прядения: деревянная точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утолщенная к нижней части, с зарубкою и с круто заостренною пяткою» [3, с. 180]. Только вот неясно, как умудрилась старуха «окатить» Прокла водой, расположив над ним эти точеные палочки в количестве девяти штук?!

Но веретёнами в народном быту назывались не только орудия для пряжи, но и вообще любая ось, на которой что-либо вращалось: коромысло весов, жёрнов и другие круглые предметы, ходящие на веретене [3, с. 180]. К их числу принадлежали и деревянные валы деревенских колодцев, на которых наматывалась цепь при подъёме воды. Именно такой тип колодцев (а не известный «журавль») был распространён на территории Костромской губернии, жители которой по праву считались самыми искусными колодезниками на всём российском Нечерноземье. Старуха окатила Прокла водой из девяти колодцев – так надо понимать «загадочный» ритуал, к которому она прибегает в некрасовской поэме. Но такая форма лечения зафиксирована во многих этнографических трудах современников Некрасова. Обращаемся к книге И.П. Сахарова: «Призванный знахарь, как дока, как знающий всю подноготную, берется за врачевание. Больное дитя, по его совету, несут в лес, ищут раздвоенного дерева, кладут его в этот промежуток на трое или менее суток... После этого приносят домой, *купают в воде, собранной из девяти рек или колодцев...*» [12, с. 112]. Очевидно, Некрасов использовал в своей поэме этот широко распространённый в народе обряд лечения больного в народной же его интерпретации: не из девяти колодцев, а «с девяти веретён» (типичная форма народной метонимии).

3

Ещё П.Ф. Якубович считал, что в поэме Некрасова «Несчастные» допущено отступление от реалистического описания каторги. Он отмечал, что каторжан в России никогда не держали и не держат в подземельях, что фигуры ссыльных у Некрасова неправдоподобны, что в поэме вообще слишком много мелодраматизма, «немыслимого в живой действительности» [9, с. 68]. Затем об этом писали не раз советские некрасоведы. И если подходить к поэме с критериями бытового правдоподобия, можно с успехом привести ещё немало примеров таких несообразностей. Однако к бытовому правдоподобию Некрасов в этой поэме и не стремился. У него существовала на этот счёт совершенно иная установка. В описании сибирской каторги поэт использовал устные народные легенды. Народный угол зрения заявлен не только в заглавии поэмы – «Несчастные», но и во всех деталях описания жизни и быта заключённых.

Глубокий знаток крестьянской культуры, С.В. Максимов так характеризует народные представления о судьбе «несчастных» в «рудниках Сибири льдистой»: «Там, – думает народ, – там, где-то далеко, за Сибирью, взрыты крутые, поднебесные горы. В горах этих вырыты ямы глубиной в самые глубокие речные и озёрные омуты. Посадят в эти ямы весь этот повинный народ, посадят на всю

жизнь, один раз, и никогда уж потом не вынут и не выпустят. И будут сидеть они там, Божьих дней не распознавая, Господних праздников не ведая; будут сидеть в темноте и духоте подле печей, жарко нагретых, среди груд каменных, на таких работах, у которых нет ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноет весь этот народ в скорбях и печалях, затем, что уж им всякий выход заказан, и родина отрезана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторге глубока – глубока да и запечатана. <...> Вот вам, несчастные горе-горькие заключённые, моя слеза сиротская, да вздыханье тяжёлое, да грош трудовой, кровный: авось и он вам пригодится. Пригодится хлеба прикупить, Богу свечку за свои мирские грехи поставить: Он вам и путь управит, и в каторжной тёмной и глубокой яме свету подаст, силы пошлёт и дух вознесёт» [8, с. 10].

Очевидно, легендарные представления народа о каторге формировались под влиянием иконописных и настенных, фресковых изображений преисподней в виде провала в земной тверди, где во мраке чёрной ямы претерпевают страшные муки несчастные грешники. В максимовских описаниях чувствуются также отзвуки иконописного сюжета сошествия во ад Христа Спасителя. В согласии с народными легендами, каторжники у Некрасова тоже живут в «подземелье», в «чёрной норе», в «роковой яме», куда лишь украдкой заглядывает луч солнца. В глубокую и тёмную каторжную яму приносит свет несчастным заключённым «народный заступник», образ которого рисуется в аскетическом ореоле подвижника, «божьего человека»:

Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И, словно лён, пушистый волос
На голове и бороде [10, т. 4, с. 39].

Именно он помогает несчастным вновь ощутить утраченную связь с Родиной, с близкими, понять, что адский каторжный труд наполнен высоким смыслом. С его пришествием «тёмная нора», напоминающая преисподнюю с беснующимися грешниками, превращается в «монашескую келью». То, что казалось иным исследователям странной аффектацией и ложным мелодраматизмом, является в действительности реалистическим отражением характерных сторон народного сознания, свидетельством глубокого демократизма Некрасова-поэта.

24 ноября 1855 года в письме к В.П. Боткину Некрасов говорил о Тургеневе с великой надеждой: этот человек способен «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» [10, т. XIV, кн. 1, с. 234]. В своей надежде Некрасову суждено было разочароваться. И вот в поэмах историко-героического цикла он попытался сам дать русским политикам достойный подражания идеал. Народные заступники в поэзии Некрасова – идеальные герои. В отличие от атеистического, нигилистического уклона, свойственного реалиям

русского освободительного движения, они напоминают и внешним своим обликом, и внутренним, духовным, содержанием русских святых.

Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал «от противного»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта. Впрочем, и ранее, в лирических стихотворениях на гражданские темы, Некрасов придерживался той же эстетической и этической установки. По его собственным словам, в «Памяти Добролюбова», например, он создавал не реальный образ Добролюбова, а тот идеал, которому реальный Добролюбов, по-видимому, хотел соответствовать.

В своих поэмах Некрасов воскрешал высокий идеал не монашеской святости, а святости мирянина именно в той мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и органично вошла в народное сознание. Так, для некрасоведов-атеистов камнем преткновения долгое время оказывались слова вернувшегося из ссылки героя поэмы «Дедушка»: «Днесь я со всем примирился, / Что потерпел на веку!» [10, т. IV, с. 111]. Они не понимали, что христианское смирение отнюдь не означает примирения со злом, а, напротив, утверждает открытую и честную борьбу с ним, что и подтверждается далее всем поведением героя. Но *христианское* сопротивление мирскому злу действительно *исключает личную вражду, кровную месть*. «... Чем меньше *личной* вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов – всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет, при всей ее необходимой суровости, духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее» [5, с. 142], – замечает русский мыслитель И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою». «Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды; и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести неличную, предметную борьбу со злодеем, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим» [5, с. 144].

Христианское содержание поэмы «Дедушка» проявляется буквально во всём, даже в деталях чисто внешнего плана. Возвращающийся из ссылки герой «пыль отряхнул у порога», как древний библейский пророк или новозаветный апостол, «отрясающий прах со своих ног». Действие это символизирует христианское прощение всех личных обид и всех прошлых скорбей и лишений. «Сын пред отцом преклонился, ноги омыл старику». С точки зрения реалий нового времени, действие сына может показаться странным. Однако Некрасов ведь создает идеальный образ и прибегает в данном случае к известной евангельской ситуации, когда Иисус Христос перед Тайной Вечерей

омыл ноги своим ученикам, будущим апостолам. Этот древний обряд знаменовал особое уважение к человеку.

Апостольские, христианские моменты подчеркнуты и во внешнем облике Дедушки:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит [10, т. IV, с. 112].

«Детскость» и мудрая простота героя тоже восходят к евангельским заповедям Христа. Однажды, призвав дитя, Он поставил его перед учениками и сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф., 18, 3–4).

«Песни» Дедушки – это почти молитвенные покаяния за грехи соотечественников, ибо, по пророчеству Исайи, Господь «помилует тебя по голосу вопля твоего»: «Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные!..» (Исайя, 32, 11). «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительство, разорят и тебя» (Исайя, 33, 1).

Тревога за судьбу отечества и боль за беззакония соотечественников – причина страданий, принятых некрасовским героем на каторге, и источник его песен и молитв:

Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видел – имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей... [10, т. IV, с. 117].

Грозные библейские мотивы буквально пронизывают эту поэму. Герой оглашает свою «келью» «вавилонской тоской». Эта тоска – напоминание о трагических событиях библейской истории, о разрушении одного из самых богатых и преуспевающих царств. Библейское предание устами пророка Иереми повествует о страшной гибели Вавилона, навлекшего гнев Господа за разврат и беззаконие его жителей.

Поэма «Дедушка» обращена к молодому поколению. Некрасову очень хотелось, чтобы юные читатели унаследовали лучшие нравственные ценности, служению которым можно отдать жизнь. Характер Дедушки раскрывается перед внуком постепенно, по мере сближения героев и по мере того, как взрослеет Саша. Поэма озадачивает, интригует, заставляет внимательно вслушиваться в речи Дедушки, зорко всматриваться в его внешний и вну-

тренний облик, в его действия и поступки. Шаг за шагом читатель приближается к пониманию народолюбивых идеалов Дедушки, к ощущению духовной красоты и благородства этого человека. Цель нравственного, христианского воспитания молодого поколения оказывается ведущей в поэме: ей подчинены и сюжет и композиция произведения.

Подвиг декабристов и их жён в «Русских женщинах» тоже представлен Некрасовым не только в исторической его реальности, но и в идеальных параметрах святости. В отечественных житиях классическим образцом женской святой считается образ Юлиании Лазаревской. Юлиания видела свое призвание в верности супружескому долгу. Княгиня Трубецкая, прощаясь с отцом, говорит, что её зовёт на подвиг высокий и трудный долг, который в беседе с иркутским губернатором она уже называет «святым». А её отъезд в Сибирь вызывает ассоциации с уходом праведника от «прелестей» мира, лежащего в грехе:

Там люди заживо гниют –
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы [10, т. IV, с. 142].

В сознании героини её муж и друзья, гонимые и преследуемые властями, предстают в ореоле страстотерпцев. В поэме есть скрытая параллель с одной из заповедей блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф., 5, 10).

Этот христианский подтекст нарастает в «Русских женщинах», усиливаясь во второй части – «Княгиня Волконская». Финальная сцена поэмы, рисующая встречу Волконской с мужем в каторжном руднике, построена так, что напоминает содержание любимого народом апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», повествующего о том, как Пресвятая Дева Мария пожелала видеть мучения грешников в аду и умолила Христа дать им облегчение.

Чудо апокрифического сошествия Богородицы во ад подсвечивает сюжетное действие этого финального эпизода. По мере того как Мария Волконская уходит всё далее и глубже в бездну рудника, отовсюду бегут ей навстречу «мрачные дети тюрьмы», «дивясь небывалому чуду». Души грешников, обитающих в этом адском месте, ощущают на мгновение святую тишину, благодатное облегчение:

И тихого ангела Бог ниспослал
В подземные копи – в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал
И замерло словно движенье... [10, т. IV, с. 184].

И вот среди грешников находится тот, кто достоин прощения и искупления:

Но кроток был он, как избравший его
Орудьем Своим Искупитель [10, т. IV, с. 183].

Великая страдальца явлением своим в «пропасти земли», состраданием своим как бы открывает грешникам путь к спасению.

«Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоение обрывков знания, употребляемых как средство агитации, – вот в чём нуждается народ наш, – утверждал С.Н. Булгаков. – Историческое будущее России, возрождение и восстановление мощи нашей Родины или окончательное её разложение, быть может, политическая смерть, находятся в зависимости от того, решим ли мы эту культурно-педагогическую задачу: просветить народ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти история ввергает в руки интеллигенции» [2, с. 134–135].

В числе истинных просветителей России, которые работают на её возрождение, Булгаков в первую очередь называл «родного нашего Некрасова». «Не всем, может быть, памятливы эти дивные строки. Поэт описывает своё возвращение на родину и родные впечатления. Я узнаю – пишет он:

Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиления,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое время приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетённых, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарём!

Вот слияние интеллигенции с народом, полнее и глубже которого нет. Но многие ли из интеллигентов, читателей и почитателей Некрасова, склонялись пред “этим скудным алтарём”, соединяясь с народом в его вере и его молитве? Нет, не многие. Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенция, отвернулась от простонародной

“мужицкой” веры, и духовное отчуждение создавалось между нею и народом» [2, с. 106–107].

Библиографический список

1. *Брянчанинов Игнатий*. Слово о смерти // Творения иже восвятых отца нашего Святителя Игнатия епископа Ставропольского. Т. 3. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 1997. – 316 с.
2. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 350 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 700 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 25. Дневник писателя за 1977 год. Январь–август. – Л.: Наука, 1983. – 470 с.
5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. – Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. – 608 с.
6. Костромские епархиальные ведомости. – 1885. – Отд. 2. – Часть неофициальная. – № 19.
7. Костромские епархиальные ведомости. – 1892. «Приложение к неофициальной части».
8. *Максимов С.В.* Собр. соч. Т. 1. Сибирь и каптога. Часть 1. «Несчастные». – СПб.: Просвещение, 1913. – 404 с.
9. *Мельшин Л. (Якубович П.Ф.)*. Н.А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Павленков 1907. – 96 с.
10. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1981–2000.
11. *Сапогов В.А.* Анализ художественного произведения. Поэма Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». – Ярославль: Издат. ЯГПУ, 1980. – 64 с.
12. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1885. – 298 с.
13. *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Вып. 15. – Кострома, 1920.